

ПРОТИВОЛАТИНСКАЯ ПОЛЕМИКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ: ВИЗАНТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Со временем, предшествующим монголо-татарскому нашествию, принято связывать пять противолатинских сочинений, сохранившихся на древнерусском языке. Это “Слово о вере крестьянской и латынской” монаха Феодоса, который в большинстве списков отождествляется со св. Феодосием Печерским; надписанное именем киевского митрополита Георгия “Стязание с латиною”; два сохранившихся под именем митрополита Никифора Киевского памятника: “Послание Владимиру Мономаху” и “Написание к князю Ярославу”, – и известное также в греческом оригинале “Послание Клименту, папе ветхого Рима” Иоанна Киевского. Кроме того, два небольших противолатинских отрывка содержатся в “Повести временных лет”¹. На греческом языке сохранились и, по всей видимости, изначально были составлены произведения “К римлянам или латинянам об опресноках” митрополита Льва Переяславского и “Написание, данное в триумф [над] совершаемым латинянами” митрополита “Росии” Ефрема.

До недавнего времени атрибуция только двух из названных древнерусских сочинений вызывала сомнения и споры исследователей. Во-первых, принадлежность Феодосию Печерскому “Слова о вере крестьянской и латынской” была оспорена Е.Е. Голубинским, А.А. Шахматовым, К. Висковатым, Г. Подскальским и другими историками. Многие из них поддержали мнение, согласно которому этот памятник был написан другим Феодосием – “Греком” – в середине XII столетия². Важным основанием для сомнений в авторстве Феодосия Печерского стала ссылка полемиста на отрицательное отношение к “латинянам” его собственного отца. Поскольку св. Феодосий лишился отца в возрасте тринадцати лет, некоторым исследователям казалось маловероятным, чтобы он помнил о полученных им в детстве наставлениях. Были высказаны и другие соображения против принадлежности “Слова” Феодосию Печерскому³. Во-вторых, под вопрос была поставлена атрибуция “Стязания с латиною” киевскому митрополиту Георгию, упоминаемому в летописи под 1072 и 1073 гг. В этом случае сомнения породило то обстоятельство, что список противолатинских обвинений в “Стязании” выглядит как переработка списка, содержащегося в “Послании Владимиру Мономаху”⁴.

¹ Эти отрывки находятся в записях под 986 и 988 гг. См.: *Повесть временных лет* / Под ред. Д.С. Лихачева, В.П. Адриановой-Перетц, СПб., 1999. С. 40, 51–52.

² О нем, в частности, см.: *Буланина Т.В.* Феодосий Грек // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 459–461.*

³ См.: *Голубинский Е.Е.* История русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 859–860; *Висковатый К.* К вопросу об авторе и времени написания “Слова к Изяславу о Латинех” // *Slavia*. 1938. 16. P. 544–545, 556–563.

⁴ *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 57–58.

Это сочинение сохранилось в рукописях под именем митрополита Никифора, занимавшего киевский архиерейский престол с 1104 по 1121 г., т.е. много позже Георгия. В самом деле, основой обоих обвинительных списков является перечень упреков западным христианам, находящийся в пространном послании патриарха Михаила Кирулария Петру Антиохийскому. Однако если в “Послании Владимиру Мономаху” порядок обвинений тот же, что и в сочинении Кирулария, то в “Стязании” он уже совсем иной и построен тематически. Таким образом, “Послание Мономаху” явно ближе греческому первоисточнику, чем “Стязание”.

К указанным двум проблемам атрибуции может быть добавлена и третья, на которую до сих пор не обращали внимания. Состоит она в том, что списки противолатинских обвинений в обоих сочинениях, сохранившихся под именем митрополита Никифора, почти никак не связаны друг с другом. Если в одном из них говорится об “опресноках”, а символ веры называется “святым правилом”, то в другом эти же предметы именуется уже “оплатками” и “святым преданием”⁵. Весь обвинительный перечень в “Написании” Ярославу заимствован из “Написания” митрополита Ефрема и лишен ряда упреков, имеющих в “Послании” Мономаху. А именно там нет заявлений по поводу бритья бород, замены причащения целованием сослужащих священников, вкушения монахами свиного сала, изменения выражений “Един свят, един Господь...” и “Мал квас все смешение квасит”, ношения епископами перстней, непочитания свв. мощей и трех великих святителей. В свою очередь, в “Послании” Мономаху отсутствует добрая половина из находящихся в “Написании” Ярославу упреков. Какое бы из двух произведений под именем Никифора не было написано первым, как мог их автор при работе над вторым из них забыть о том, что он раньше писал по тому же поводу? Поэтому эти сочинения производят впечатление произведений, написанных двумя разными лицами.

Как представляется, на отмеченные три проблемы можно взглянуть по-новому: во-первых, благодаря учету недавно изданной мной редакцией полемического сочинения, надписанного именем Феодосия Печерского⁶, во-вторых, благодаря сравнению древнерусских противолатинских памятников с отдельными византийскими полемическими произведениями. К таковым, помимо названных выше сочинений Льва Переяславского и Ефрема “Росии”, относятся также “Слово об опресноках” Иоанна Клавдиупольского и “Вины латинской Церкви” Константина Стилва.

Что касается сомнений в авторстве сочинения, сохранившегося под именем св. Феодосия, то они выдвигались не только из-за ссылки автора на слышанные им от отца поучения. Так, Е.Е. Голубинский полагал, что печерский подвижник не мог иметь подробных сведений о “латинянах” и по скромности не стал бы говорить о себе и своем отце, как и поучать в вопросе о

⁵ Ср. тексты двух памятников: *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. С. 71–73 и 73–77. Последнее издание сочинений см.: Творения митрополита Никифора. М., 2006.

⁶ Вопросение князя Изяслава сына Ярослава внука Володимира игумена Федосея печерского монастыря о латыньстей вере // *Бармин А.В.* Poleмика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 507–513.

различиях с западными христианами⁷. Как заметил А.А. Шахматов, сохранившееся под именем святого в рукописях рядом со “Словом” “Послание о неделе” по своему содержанию соответствует спорам, имевшим место на Руси в середине XII в., и упоминает одно высказывание (“Неделя не наречется неделя, якоже вы глаголете...”), позволяющее подозревать в его создателе иностранца. По мнению историка, оба памятника вышли из-под пера Феодосия Грека, переведшего ок. 1142 г. “эпистолию” папы Льва I о ереси Евтихия, а позже под влиянием противогреческих настроений были приписаны монахами Печерского монастыря одному из основателей их обители, благо совпадение имен облегчало такую подмену⁸. Так как в большинстве рукописей противолатинское сочинение обращено к князю Изяславу, “сыну Ярославлю, внуку Владимира” (Святого), исследователь предположил, что истинным адресатом был много общавшийся с западными христианами князь Изяслав Мстиславич, внук другого Владимира – Мономаха. Наиболее подробно доводы против авторства св. Феодосия были представлены К. Висковатым. Как на то обратил внимание исследователь, признание авторства Феодосия Грека не только снимает недоумения по поводу ссылки на отца составителя, но и хорошо соответствует разнообразным особенностям церковно-политической истории Руси середины XII в.⁹

Этим доводам возражали разные исследователи. И.П. Еремин постарался доказать, что древнейшая версия произведения представлена в Паисиевском сборнике (РНБ. Кирилло-Белозер. 4/1081) и в одной рукописи Софийского собрания (РНБ. Соф. 1285, вторая половина XV в.), обозначенных им как “первая группа”. Однако исследователь никак не объяснил, почему он считает позднейшими добавлениями подробности свадебного обряда “латинян” и порицание брадобрития, которые отсутствуют в двух названных рукописях, но имеются в так называемой группе “а” (ГИМ. Синод. 997, XVI в.) и в старейшем списке группы “b” (РГБ. Троице-Сергиев. 768, XV–XVI вв.)¹⁰.

Между тем последняя группа отличается от текста паисиевско-софийской редакции отнюдь не только рассказом о том, как в брачную ночь латинский поп, лежа с невестой в алтаре, целует “срамоту женскую”, а потом, вымыв испачканный “исшедшей скверной” алтарный ковер, кропит людей в храме использованной при этом водой. Другими особенностями этой разновидности текста являются обвинения во вкушении мяса в сыропустную неделю, в ношении епископами перстней на руках и в обычае залеплять воском глаза, уши и нос покойников, а также отрывок, в котором опасность

⁷ Исследователь отмечал, что в другом сочинении Феодосий Печерский назвал себя недостойным отвечать на вопрос о том, дозволено ли резать скот по воскресеньям (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 859–860).

⁸ *Шахматов А.А.* Киевопечерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897. С. 34–38. Библиографию вопроса см.: *Еремин И.П.* Из истории древнерусской публицистики XI в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1935. Т. 2. С. 26–27; *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие... С. 10–11; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 295–296.

⁹ *Висковатый К.* Указ. соч. С. 544–545, 556–563.

¹⁰ *Еремин И.П.* Указ. соч. С. 24–25. Два других списка группы “b”: РГБ. Беляев. 55 (1549), XVII в.; ГИМ. Уваров. 1820 (531) (394), 1642 г.

“латинян” для “правоверных” усматривается как раз в культурной и пространственной близости между ними¹¹.

В списках редакции “b” отсутствуют вступление с упоминанием о родителях автора (“Аз, Федос, худый мних... норовом правоверных последовати”), принадлежащее отцу полемиста восхваление “правоверной веры” (“Мне же рече отец... со святыми радоватися”) и следующее за словами о субботнем посте замечание о вкушении вечером молока и яиц. Кроме того, в отличие от текста первой группы, тематическая последовательность упреков в редакции “b” нарушена, и они дважды прерываются авторскими рассуждениями. Подобное несколько сбивчивое построение обвинительной части наводит на мысль о большей древности этой разновидности произведения по сравнению с сохранившейся в паисиевском и софийском списках. В пользу этого мнения свидетельствуют еще две особенности разновидности “b”, а именно обозначение западных христиан как “варягов”, присутствовавших на Руси в самом начале ее истории, и упоминание о “савелиевой” ереси, вместо которой в текстах “первой группы” неточно или обобщенно говорится о ереси “савской” или “великой”¹². Если признать редакцию “b” более близкой к изначальному виду сочинения, то отсутствие в паисиевско-софийской разновидности нескромных подробностей свадебного обряда и замечаний об опасности, возникающей для “правоверных” из-за их близости к “латинянам”, объяснялось бы соответственно заботой позднейшего редактора о приличии и численным уменьшением западных христиан на Руси после монголо-татарского нашествия.

Сложнее истолковать удаление замечаний по поводу мясоедения в сыропуст, перстней у епископов и обычая залеплять воском глаза, нос и уши покойников. Сложность заключается в том, что при переделке полемических сочинений обычным явлением было добавление новых упреков, а не удаление старых. Последнее явление могло иметь место разве лишь тогда, когда обвинение выглядело явно необоснованным в глазах нового поколения читателей.

Сообщение об обычае залеплять воском глаза, нос и уши покойников впервые появляется в грекоязычной полемике в сочинении “Об опресноках” Иоанна Клавдиупольского (конец XI в.) и следует там, как и в разновидности “b” сочинения Феодосия, за упреком по поводу обычая хоронить умерших с вытянутыми вдоль тела руками. Между тем сложно себе представить, чтобы это обвинение сначала было выдвинуто в его краткой форме св. Феодосием, затем дополнено Иоанном Клавдиупольским, а это дополнение, в свою очередь, было бы включено в “Слово о вере крестьянской и латинской” при его последующей переделке. Какое бы из двух произведений ни было источником для другого, первоначальная форма приведенного упрека, скорее всего,

¹¹ РГБ. Троице-Сергиев. 768. Л. 316–316 об., 318; ГИМ. Уваров. 1820. Л. 514, 515–516 об.

¹² *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие. С. 17. По мнению А.Л. Никитина, термин “варяг” укоренился на Руси не ранее первой четверти XII в. (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. М., 2001. С. 88, 94). Однако тот же автор отмечает, что слово *βάρβαροι* встречается уже в одном византийском хрисовуле 1060 г. Между тем прибывали они в Византию через территорию Руси, где соответствующее понятие должно было стать известным никак не позже этого времени.

была развернутой, а это, в свою очередь, опять же указывает на первичность редакции “b” по отношению к паисиевско-софийской.

Упрек в ношении епископами перстней встречается в первый раз в иностранном письме Михаила Кирулария Петру Антиохийскому и сопровождается там замечанием об обыкновении западных архиереев принимать участие в боевых действиях. Вместе, хотя и в ином порядке, оба эти обвинения находятся в разновидности “b”, но не в паисиевско-софийской редакции, и подобное обстоятельство также подтверждает мнение о вторичности этой последней. Можно предположить, что отмеченные три упрека исчезли из сочинения Феодосия из-за невнимательности позднейшего редактора при переделке имеющегося текста.

Что же касается редакции “a” (ГИМ. Син. 997), то ее объединяет с паисиевско-софийской разновидностью вступление со словами об отце и матери автора и призыв «всего их [“латинян”] норова гнушатися и блюсти[сь]», а с редакцией “b” – обозначение западных христиан как “варягов” и упоминание о “савельской” ереси. При этом там отсутствуют более трети находящихся в обеих других разновидностях обвинений, а некоторые предложения, полностью присутствующие в других редакциях, сохранились там частично¹³. В ряде случаев разновидность “a” обладает большим сходством с текстами так называемой “первой группы” и троице-сергиевской рукописи, чем с двумя позднейшими списками разновидности “b”¹⁴. Таким образом, редакция “a” отражает переходную форму между паисиевско-софийской группой и разновидностью “b”, однако судить по ней о направлении переделки из-за явно ущербного вида сохранившегося в синодальной рукописи текста невозможно.

Обвинения западным христианам в обычаях целовать начертанный ими на земле крест и давать крещаемым имена не святых, но произвольно, как и присутствующее в уваровском списке замечание об обычае заклеивать воском глаза, уши и нос покойников, впервые появляются в грекоязычной полемике в сочинении об опресноках клавдиупольского митрополита Иоанна, упоминаемого в источниках в 1092 г. и в конце 1094 г.¹⁵ Хотя оба памятника отличаются “размытым” построением, они и в этом отношении не вполне сходны между собой. В троице-сергиевской и родственных ей рукописях порядок обвинений “латинянам” нарушается в основном лишь авторскими рассуждениями. В сочинении Иоанна Клавдиупольского отступления автора тоже прерывают перечень упреков, однако он сам по себе выглядит более спутанным. Там полемист прежде всего сразу пишет о столь разных вещах,

¹³ Так, после слов полученного от родителей наказа следовать за законом и нравом “правверных” неожиданно стоит: “и всю землю, княже, осквернили”, – в то время как продолжение (“веры же латыньския не прилучатися...”) оказывается в тексте много дальше. От упрека в произвольном наречении имени в синодальной рукописи осталась только вторая часть: “но како его прозовать...” (ГИМ. Син. 997. Л. 1387 об.).

¹⁴ Например, “жива видяще” или “видяще” вместо “ведяща”, “вы же есте”, “содеваете” или “сделываете” вместо “соделают”, “обрести” вместо “обрести надеемся”, “аще ли ся лучить кому” вместо “аще ли случится кому”, “мниши” вместо “имаши” (Син. 997. Л. 1388–1388 об.; *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие... С. 18 (конец текста), 17; РГБ. Троице-Сергиев. 768. Л. 317 об., 319–319 об.; ГИМ. Уваров. 1820. Л. 515 об.–516, 517 об.–518).

¹⁵ См. обвинения 12 и 17 “Слова о вере крестьянской и латинской” (*Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие... С. 16); ГИМ. Уваров. 1820. Л. 514, 515–515 об.; *Бармин А.В.* Слово “Об опресноках” Иоанна Клавдиупольского // ВО. М., 2001. С. 154–158 (обвинения 1, 4, 10 и 16).

как опресноки, субботний пост, обрядовые очищения и вкушение удавлины, затем он вспоминает об участии епископов в военных действиях и о посте по праздникам, и только дальнейшие обвинения объединяются в смысловые группы вокруг тем четырехдесятницы, отношения к святыням и крещения, после чего еще несколько тематически не связанных между собой упреков предваряют относящиеся к еде высказывания¹⁶.

Таким образом, “Слово об опресноках” митрополита Иоанна выглядит менее продуманным, а потому и более архаичным по сравнению с произведением Феодосия. Так как в каждом из этих двух сочинений отсутствует более трети имеющихся в другом обвинений, нельзя предположить, чтобы автор одного из них списывал со второго при своей работе. По всей видимости, взаимосвязь между обоими произведениями объясняется тем, что один из полемистов ознакомился с текстом другого задолго до того, как он сам приступил к написанию собственного труда, и впоследствии воспроизвел те упреки “латинянам”, которые смог припомнить.

Содержащиеся в сочинении Феодосия обвинения, согласно которым западные христиане получают прощение своих грехов “на дару” (т.е. за мзду), попирают ногами изображаемый ими пальцем на церковном полу крест, при соблюдении субботнего поста принимают пищу вечером, пьют собственную мочу и едят с псами, встречаются также в написанном после 1204 г. сочинении кизикского митрополита Константина Стилва “Вины латинской Церкви”¹⁷. Кроме того, первые два из этих упреков обнаруживаются также в “Повести временных лет”, а последний – в сохранившемся под именем киевского митрополита Георгия “Стязании с латиною”¹⁸. Все они отсутствуют в остальных датируемых XI–XII вв. полемических перечнях, будь то произведение “Об опресноках” Иоанна Клавдиупольского, “Написание” Ефрема Русского, “Написание на латину” Никифора Русского или приписанное Фотию сочинение “О франках”¹⁹.

О соотношении между двумя противолатинскими отрывками в “Повести временных лет” (под 6494 и 6496 гг.) и сочинением Феодосия возможны разные предположения²⁰. Поскольку летописец привел противолатинские обви-

¹⁶ Бармин А.В. Слово “Об опресноках”... С. 148–158.

¹⁷ См.: Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие... С. 16 (упреки 1, 2, 6, 7, 12); Τὰ αἰτιάματα τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ὅσα περὶ δογμάτων καὶ γραφῶν καὶ ἐτέρων πολλῶν συγγραφέντα παρὰ Κυρίλλου τοῦ πρὶν Κυζίκου Κωνσταντίνου τοῦ Στιλβῆ // REB. 1963. Т. 21. Р. 69, 73, 80–81 (обвинения 33, 50, 71, 72, 75. (Далее: Κωνσταντίνος Στιλβῆς).

¹⁸ Повесть временных лет. С. 51–52; Павлов А.С. Критические опыты... С. 195 (обвинение 19).

¹⁹ В сочинении Стилва и в редакции “b” творения Феодосия также присутствует обвинение, согласно которому “латиняне” едят мясо в сырную (сыропустную) неделю (Κωνσταντίνος Στιλβῆς. Р. 79; РГБ Троице-Сергиев. 768. Л. 316). В пространном письме Кирулария Петру Антиохийскому, “Стязании с латиною” митрополита Георгия, послании Владимиру Мономаху митрополита Никифора схожий упрек выражен иначе: “иже в первую неделю святого поста мясопуст и сыропуст единою творити” (Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие... С. 72; Павлов А.С. Критические опыты... С. 194; Will C. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. Lipsiae; Marpurgi, 1861. Р. 181).

²⁰ И.П. Еремин не стал рассматривать разные возможности связи между произведениями, увидев в отмеченных совпадениях лишь доказательство того, что противолатинское сочинение было написано до начала XII в. (Указ. соч. С. 162–163).

нения лишь к слову, более вероятным кажется влияние противолатинского произведения на замечания о том же предмете в летописи, чем наоборот. По предположению А.А. Гиппиуса, содержащиеся в первом отрывке (так называемой “Речи философа”) слова о том, что вера западных христиан “малом с нами развращена”, неточно передают первоначальный текст. В этом последнем, полагает исследователь, говорилось о “малом различии” между греческой и латинской “верами”, и тем самым расхождения между церквями признавались несущественными²¹. Однако подобное высказывание можно объяснить и тем, что как раз в близости двух “вер” усматривал опасность для “христиан” создатель “Вопрошения”²². В таком случае связь между двумя памятниками оказывается еще более тесной, чем то считалось до сих пор. Не вполне ясно и соотношение между “Винами латинской Церкви” и “Вопрошением Изяслава”. Таким образом, сравнение последнего памятника с другими противолатинскими сочинениями XI – начала XIII в. допускает разные возможности для его датировки. Зато есть основания полагать, что первоначальная форма произведения наиболее точно отражена в рукописях редакции “b”. Тем самым снимается связанное с упоминанием об отце автора возражение против подлинности сохранившегося надписания памятника.

Не оказался ли св. Феодосий вовлеченным в противолатинскую полемику после поездки печерского монаха Ефрема в 1060-х годах в Константинополь, откуда тот, помимо студийского устава, мог привезти также известия о выдвинутых против западных христиан обвинениях, в том числе о высказанном еще Фотием упреке в савеллианстве²³? Вернувшийся в Киев при помощи польских войск Изяслав Ярославич годился в адресаты сочинения не меньше жившего веком позже и связанного с Польшей, Чехией и Венгрией Изяслава Мстиславича. Кроме того, Феодосий Грек, будучи переводчиком послания папы Льва I, обладал вкусом к богословским занятиям и уже потому плохо годился в авторы грубоватого по содержанию противолатинского произведения. Этого нельзя сказать о св. Феодосии, лишенном доступа к византийской богословской и полемической литературе, называвшем себя в другом послании тому же князю “некнижным” человеком и, похоже, действительно не отличавшемся образованностью.

Сложнее всего обосновать влияние русского “Вопрошения” на греческие “Слово об опресноках” Иоанна Клавдиупольского и “Вины латинской Церкви” Константина Стилва, поскольку такое развитие полемики не совпадает с обычным направлением культурного взаимодействия между Византией и Киевской Русью. Однако исключительное значение св. Феодосия для русского монашества и всей церковной жизни того времени могло способствовать известности подвижника и за пределами его родины. Проведший немало времени в Константинополе ученик Феодосия Ефрем позже, по всей видимости, поддерживал связь с Иоанном Клавдиупольским и вполне мог

²¹ Гиппиус А.А. Крещение Руси в “Повести временных лет”: к стратификации текста // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. 3 (33). Сентябрь. С. 20–22.

²² “...яко всех языков поганейши суть и злейши, зане же ся их немощно ублюсти, а поганых мощно. Латина бо еуангелие имут и апостол и иконы святыи, и в нашу церковь входят...” (Бармин А.В. Полемика и схизма. С. 510).

²³ О путешествии Ефрема см., в частности: Хрусталева Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 23–33.

стать одним из связующих звеньев между византийским и русским духовенством. Возможно, выполненный именно им перевод на греческий либо всего сочинения Феодосия, либо его части оказался доступен Константину Стилву.

Приведенные соображения в пользу того, что “Вопрошение” было написано Феодосием Печерским, дает дополнительную точку опоры в вопросах атрибуции “Стязания с латиною” и двух сохранившихся под именем митрополита Никифора противолатинских сочинений. Приписывать то или иное творение сравнительно мало известным лицам, каковыми были митрополиты Георгий и Никифор, не имело смысла. Если же имя последнего уже стояло над сохранившимся в разных рукописях полемическим “Написанием” к князю Ярославу, переписчик мог поставить имена Никифора и хорошо известного Мономаха над безымянным произведением для того, чтобы как-то объяснить читателю происхождение текста. Однако более вероятным выглядит другое предположение, согласно которому киевский митрополит от своего имени отправил князю уже использованный ранее митрополитом Георгием развернутый перевод выдвинутых Кируларием обвинений против “латинян”. В частности, он мог так поступить вскоре после своего прибытия на Русь, когда его знаний в русском было еще недостаточно для составления даже относительно самостоятельного противолатинского писания. Наличие списка упреков из письма Петру Антиохийскому в виде отдельного произведения по-древнерусски по меньшей мере в одной рукописи подкрепляет мнение об использовании Никифором готового текста²⁴.

Хотя “Вопрошение князя Изяслава” и родственно другим полемическим произведениям, оно заметно отличается от них всех благодаря существенной авторской работе. Иначе обстоит дело со “Стязанием”, создатель которого дословно воспроизвел противолатинские обвинения из “Послания к Мономаху”, меняя лишь их порядок. Подобное различие в подходах двух полемистов позволяет поддержать мнение А.С. Павлова, согласно которому именно автор “Стязания” использовал сочинение Феодосия, дополнив заимствованные им в русском переводе послания Кирулария положения отдельными упреками из “Вопрошения”²⁵. Возможно, он сознательно отказался повторять некоторые утверждения своего предшественника, найдя их малоправдоподобными или неважными, – как, например, заявления, согласно которым западные христиане пьют свою мочу, а их священники “с робами дети добывают”. Вразрез с подобным мнением идет представление об изначальности так называемой редакции “b” сочинения Феодосия, поскольку в содержащих ее сборниках отсутствует замечание о вкушении молока и яиц, связанное в паисиевско-софийской разновидности и в “Стязании” с субботним постом. Не исключено, однако, что текст “Вопрошения” в трех известных рукописях вида “b”, древнейшая из которых появилась не ранее XV в., восходит к списку, где указанное место было пропущено из-за невнимания переписчика.

²⁴ Попов А.Н. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 47–50.

²⁵ Павлов А.С. Критические опыты... С. 57.

Содержащиеся в “Стязании” и отсутствующие в “Послании Владимиру Мономаху” и в “Вопрошении Изяслава” обвинения в многократных службах в одном храме за день и в допущении мирян в алтарь встречаются также в “Написании” митрополита Ефрема, в послании к князю Ярославу митрополита Никифора Киевского и в других сочинениях, восходящих к “Слову об опресноках” Иоанна Клавдиупольского²⁶. Этот последний может быть отождествлен с упомянутым в 1092 и 1094 гг. иерархом, в то время как Георгий должен был умереть или оставить епархию уже к 1078 г., когда на киевском престоле находился митрополит Иоанн II²⁷. Однако первичность “Стязания” по отношению к “Слову об опресноках” означала бы, что изначально написанное на древнерусском языке произведение оказало влияние на греческое сочинение, что нелегко представить себе для XI в. Кроме того, в этом случае построенное по ясному плану “Стязание” оказалось бы источником для явно менее продуманной работы клавдиупольского предстоятеля. Впрочем, последнее затруднение снимается предположением, согласно которому Иоанн при написании собственного труда не имел перед собой сохранившегося под именем митрополита Георгия сочинения, но припомнил отдельные прочитанные или услышанные им ранее упреки против “латинян”. С таким предположением хорошо согласуется и отсутствие немалой доли из содержащихся в “Стязании” обвинений в “Слове” митрополита Иоанна²⁸. Поскольку Георгий был греком, он был вполне способен сам перевести свое писание на родной язык; не исключено, что оно было переведено или пересказано на греческом заодно с написанным тогда же творением св. Феодосия.

Кроме того, в “Стязании с латиною” западные христиане порицаются за то, что они не различают “святого от скверного”²⁹. Это высказывание отсутствует в “Слове об опресноках” Иоанна Клавдиупольского и в послании князю Ярославу митрополита Никифора, но появляется в родственных им “Написании” митрополита Ефрема (καὶ ἀναμέσον ἁγίων καὶ βεβήλων οὐ διαστέλλονται) и в произведении “О франках и прочих латинянах”³⁰. Поскольку Ефрем был, по всей видимости, русским, он мог быть знакомым со “Стязанием” в его сохранившемся виде и позже использовать запомнившееся ему выражение при составлении собственной работы. В данном случае, как и в случае со “Словом” Иоанна Клавдиупольского, основным доводом в защиту первичности “Стязания” является бессмысленность попытки приписать полемическое произведение задним числом малоизвестному иерарху.

²⁶ Там же. С. 192, 196 (обвинения 4 и 25); Čičurov I.S. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // *Fontes minores*. 1998. Bd. 10. S. 344–345 (обвинения 11 и 25); *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие... С. 75–76 (обвинения 10 и 21).

²⁷ *Поппэ А.В.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство... С. 451–452.

²⁸ В “Слове”, помимо прочего, нет имеющихся в “Стязании” упреков в бритве бород, в отсутствии великого и малого входов за литургией, в изменении возгласа “Един свят, един Господь...” и слов апостола Павла о малой закваске, в женитьбе по очереди на двух сестрах, в женитьбе епископов, в содержании наложниц священниками. См.: *Павлов А.С.* Критические опыты... С. 192–194.

²⁹ Там же. С. 196 (упрек 25).

³⁰ См.: Ἰωάννης Κλαυδιουπόλεως Λόγος περὶ ἀζύμων. С. 156 (упрек 6); Čičurov I.S. Ein antilateinischer Traktat... S. 344 (упрек 11), 348 (упрек 11); *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие... С. 75 (упрек 10).

Запутанное построение слова “Об опресноках” Иоанна Клавдиупольского заставляет полагать, что его создатель работал без тщательно продуманного плана. По всей видимости, Иоанн был знаком с первым византийским “каталогом” обвинений против обычаев западной Церкви, содержащимся во втором послании Михаила Кирулария Петру Антиохийскому, однако прямых заимствований он отсюда не делал. Очевидные текстовые совпадения в двух памятниках отсутствуют, из двадцати трех в общей сложности обвинений “Слова” тринадцать не встречаются в письме Кирулария, некоторые из прочих лишь отчасти совпадают с аналогичными упреками, приводившимися в 1054 г. константинопольским патриархом³¹.

Если “Вопрошение Изяслава” является творением св. Феодосия, то отмеченная выше связь между этим произведением и сочинением клавдиупольского предстоятеля могла бы объясняться по меньшей мере двояко. Во-первых, Иоанн мог занимать митрополичий престол уже в начале 1070-х годов и не позже этого времени написать свою работу, которая тем или иным образом (возможно, в пересказе) достигла печерского игумена. Во-вторых, “Вопрошение Изяслава” могло предшествовать по времени “Слову об опресноках”, и тогда необходимо было бы признать влияние древнерусского сочинения на греческое, что кажется почти невероятным. Однако очевидная связь между “Вопрошением Изяслава” и “Винами латинской Церкви” начала XIII в. вместе с принятием авторства Феодосия Печерского означала бы, что подобное воздействие имело место на самом деле. Поскольку имеющиеся упоминания об Иоанне Клавдиупольском относятся к началу 1090-х годов, есть смысл считать его же тем самым предстоятелем Клавдиуполя, который принимал участие в соборном заседании в сентябре 1089 г. по вопросу об ответе папе Урбану II³². Похоже, именно это событие дало повод к написанию противолатинского сочинения одному из противящихся скорому сближению с папством архиереев.

Что касается верхней временной границы написания “Слова”, то она определяется благодаря являющемуся выжимкой из него “Написанию Ефрема, митрополита России”³³. Это сохранившееся в одной ватиканской рукописи произведение представляет собой список из двадцати восьми примерно одинакового объема обвинений, среди которых *Filioque* помещено на первое место, а к уже присутствовавшим в “Слове об опресноках” упрекам добавлено семь новых, отчасти встречающихся в “большом” послании Кирулария Петру Антиохийскому: отсутствие у “латинян” сырной седмицы и живописных “историй” святых в храмах, шелковые одежды, кольца и перчатки священнослужителей, безбрачие духовенства, допущение богослужения

³¹ Например, Кируларий пишет об употреблении в пищу “латинянами” сыра и яиц по пятницам (*Will C. Acta et scripta...* P.181). Между тем в “Слове” говорится о вкушении сыра, яиц и молока лишь в Великий Пяток, а также об их употреблении в пищу детьми “латинян” по воскресеньям великой четырёхдесятницы (строки 101–104 “Слова”).

³² *Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexius I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 // BZ.1928. Bd. 28. S. 61.*

³³ Поскольку почерк писца принадлежит так называемой чикаго-карахиссарской группе, рукопись датируется XII – началом XIII в. Ранее Р. Девреесс датировал ее XIII–XIV вв. См.: *Šćurov I.S. Ein antilateinscher Traktat... S. 322. О зависимости “Написания” от “Слова” Иоанна см.: Бармин А.В. Слово “Об опресноках”... С. 144.*

лишь на трех языках и разная продолжительность великого поста в разных странах.

Очевидное первенство “Слова об опресноках” Иоанна Клавдиупольского по отношению к “Написанию” побуждает счесть создателем последнего сочинения упомянутого под 1089 и 1091 гг. в “Повести временных лет” переяславского митрополита Ефрема Скопца, чье пребывание на престоле могло продлиться вплоть до 1101 или даже 1105 г.³⁴ Будучи, скорее всего, русским по происхождению, он должен был выучить греческий язык во время своего пребывания в Константинополе, где по поручению Феодосия Печерского списал студийский устав³⁵. Тем самым объясняется, почему в его сочинении появляется и немыслимый в устах греческого автора упрек в использовании “латинянами” крестильного имени “Лев”³⁶, весьма распространенного в самой Византии – русскому полемисту подобное обстоятельство вполне могло остаться неизвестным. Правда, так звался занимавший переяславский престол в 1070-е годы митрополит, вторым преемником которого (после некоего Николая) должен считаться Ефрем, однако последний мог знать о своем предшественнике как о “Левонтии” или “Леоне”, поскольку подобными способами передавалось порой греческое “Лев” на русской почве³⁷.

Весьма вероятно, что использованное им в качестве основы при работе слово “Об опресноках” автор “Написания” получил от самого Иоанна Клавдиупольского, с которым он мог лично познакомиться в пору своего пребывания в Константинополе. В связи с этим можно обратить внимание на сохранившееся решение собравшегося при патриархе Николае (Агапите) в Константинополе синода от 15 ноября десятого индикта с участием предстоятелей Клавдиуполя и “Росии”³⁸. Из двух возможных дат – 1086 или 1101 г. – Ж. Даррузес склонился к последней на основе двух соображений. Во-первых, в 1101 г. 15 ноября приходилось на пятницу, бывшую обычным днем синодальных заседаний наряду с понедельником и средой, в то время как в 1086 г. тот же день месяца пришелся на воскресенье. Во-вторых, Ж. Даррузес исходит из расчетов П. Готье, согласно которым упомянутый в конце документа хартофилак Петр не мог занимать этот пост в 1086 г.,

³⁴ Повесть временных лет. С. 88–89. Выбор одной из двух названных крайних дат архиерейства Ефрема зависит от того, могло ли выражение “епископья церковь” относиться к смоленскому храму Богородицы при его подчинении епископскому престолу в Переяславле или нет. Ср.: *Поппэ А.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. 1967–1968. Т. 28. С. 106; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 209; *Хрусталева Д.Г.* Указ. соч. С. 97–102. О принадлежности “Написания” Ефрему Переяславскому см.: *Бармин А.В.* Слово “Об опресноках”... С. 144–146.

³⁵ Успенский сборник XII–XIII веков / Под ред. О.А. Князевской, В.Г. Демьянова, М.В. Ляпон. М., 1971. С. 86, 89. Любопытные, хотя и недоказуемые предположения об обстоятельствах этого пребывания см.: *Хрусталева Д.Г.* Указ. соч. С. 23–33. Мнение исследователя о греческом происхождении Ефрема (Там же. С. 27–28) представляется безосновательным, поскольку оно, скорее всего, было бы отмечено в “Житии” Феодосия. Ср.: *Поппэ А.* Русские митрополии... С. 101–102. Примеч. 33.

³⁶ *Šćirnov I.S.* Ein antilatenischer Traktat... S. 344. Z. 61.

³⁷ “Левонтием” в “Повести временных лет” именуется папа Лев I, а “Леоном” – император Лев VI (С. 17, 20, 52).

³⁸ *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople / Ed. V. Grumel, J. Darrouzès.* Vol. 1. Fasc. 2–3. P., 1989. N 970. P. 430–431.

но занимал его по меньшей мере до 1102 г.³⁹ Однако сам Ж. Даррузес отмечал неоднократные случаи того, как синодальные заседания проводились по воскресеньям⁴⁰. Указание же на хартофилакса Петра в конце решения следует за словами о том, что приведенный выше текст был “извлечен” (παρεκβλήθηέντα) и “заверен” (πιστωθέντα) в мае десятого индикта, и, по всей видимости, именно к ним и относится⁴¹. Поскольку хартофилакс мог сделать это “извлечение” не только в год принятия соответствующего решения, но в любой год десятого индикта, второй довод Ж. Даррузеса в пользу позднейшей из двух приведенных дат представляется несостоятельным. Таким образом, синодальное постановление могло быть принято и в 1086 г., и в этом случае под митрополитом “Росии”, как на то обратил внимание А. Поппэ, должен был иметься в виду как раз Ефрем Переяславский⁴². Не исключено, что он же подразумевался и в соборном решении от сентября 1089 г., где опять же вместе упоминаются митрополиты Клавдиуполя и “Росии”⁴³.

Знакомство двух иерархов позволило бы объяснить близость их произведений. Вероятно, при работе над своим “Написанием” Ефрему припомнилось услышанное или прочитанное им ранее выражение из “Стязания с латиною” о том, что “латиняне” не различают между “святым и скверным”, и он вставил эти слова в свое сочинение. Можно также предполагать, что поводом к созданию как этого произведения, так и “Слова об опресноках” Иоанна Клавдиупольского, стали переговоры между папством и Византией в 1089–1091 гг.

Таким образом, учет редакции “b” “Вопрошения Изяслава” и греческих полемических памятников позволяет существенно ослабить имевшиеся сомнения в авторстве Феодосия Печерского и Георгия Киевского и предположительно объяснить, почему два сохранившихся под именем Никифора Киевского противолатинских сочинения имеют между собой очень мало общего. Конечно, предположение о выполненном уже в XI в. переводе полемического сочинения Феодосия Печерского с древнерусского на греческий может показаться необычным. Однако, как кажется, именно представленная картина происхождения византийских и древнерусских полемических сочинений позволяет объяснить имеющиеся между ними связи с наименьшим количеством противоречий.

³⁹ Ibid. P. 431. Датировку Ж. Даррузеса принимает К. Цукерман (Дуумвираты Ярославичей: к вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // Дьягслово. Київ, 2008. С. 42, 48–49).

⁴⁰ Darrouzès J. Recherches sur les οφείκτα de l’Eglise byzantine. P., 1970. P. 466–467. Такие случаи имели место в 1070, 1157, 1160 гг. Исследователь отмечает и случаи синодальных заседаний по вторникам, четвергам и субботам (Ibid.).

⁴¹ PG. T. 119. Col. 864.

⁴² Киевский митрополит Иоанн находился в ноябре–декабре 1086 г. в своей епархии. Кроме того, место среди прочих митрополитов, под которым упоминается предстоятель “Росии”, соответствует как раз положению переяславского престола, а не киевского. См.: Поппэ А. Митрополиты и князья... С. 452.

⁴³ Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen... S. 61.